

Языковые особенности рассказа А. П. Чехова «Убийство» как средство раскрытия религиозно- правовой проблематики произведения

И. С. Кузнецова

*Сибирский институт бизнеса и информационных технологий (АНОО ВО «СИБИТ»)
ул. 24-я Северная, д. 196/1, 644116, Омск, Россия. E-mail: zaks_83@mail.ru*

В статье анализируются языковые особенности криминального рассказа А. П. Чехова «Убийство», имеющие значение для понимания его проблематики, включающей в себя такие аспекты, как нравственный выбор и вина, истинная вера и псевдорелигия, влияние среды на личность, истоки преступления, наказание как морально-этическая и правовая категория. Актуальность исследования обусловлена необходимостью комплексного подхода к изучению произведения Чехова с целью выявления механизмов взаимодействия языка и смысла при раскрытии сложной религиозно-правовой проблематики. Анализ языковых средств, с помощью которых Чехов описывает этические и правовые вопросы, позволяет провести параллели с современными общественными и правовыми дискуссиями о границах свободы совести, природе преступления и роли института наказания. Сделан вывод о том, что основными средствами раскрытия художественной идеи писателя являются антитеза, семантика имен собственных, лексические повторы, прием ретроспекции, речевые характеристики персонажей, включающие просторечную и религиозную лексику, элементы речевой агрессии, различные коммуникативные стратегии и тактики, символика заглавия и отдельных образов.

Уникальность идиостиля писателя заключается в сочетании разнообразных средств языка, композиционных особенностей произведения, психологической глубины в раскрытии внутреннего мира героев. Отмечено, что отсутствие прямой авторской оценки и открытый финал рассказа позволяют читателю самостоятельно интерпретировать соотношение амбивалентных понятий, таких как «преступление», «суд», «наказание», «вина».

Ключевые слова: криминальный рассказ, преступление, речевая характеристика героя, религиозная лексика, семантика имен, символика.

Linguistic Features of Anton Chekhov's Short Story «The Murder» as a Means of Revealing the Religious and Legal Issues of the Work

I. S. Kuznetsova

*Siberian Institute of Business and Information Technology
24 North St. 196/1, Omsk, Russia. E-mail: zaks_83@mail.ru*

The article analyzes the linguistic features of A. P. Chekhov's crime story «Murder», which are important for understanding its themes, including moral choices and guilt, true faith and pseudo-religion, the influence of the environment on the individual, the origins of crime, and punishment as a moral, ethical, and legal category. The relevance of this research lies in the need for a comprehensive approach to studying Chekhov's work in order to identify the mechanisms of language and meaning in the context of complex religious and legal issues. The analysis of the linguistic means used by Chekhov to describe ethical and legal issues allows us to draw parallels with contemporary social and legal discussions about the boundaries of freedom of conscience, the nature of crime, and the role of the institution of punishment. It is concluded that the main means of revealing the writer's artistic idea are antithesis, the semantics of proper names, lexical repetitions, the technique of retrospective, the speech characteristics of characters that include colloquial and religious vocabulary, elements of verbal aggression, various communicative strategies and tactics, and the symbolism of the title and individual characters.

The uniqueness of the writer's idiosyncrasy lies in the combination of various linguistic means, the compositional features of the work, and the psychological depth in revealing the inner world of the characters. It is noted that the absence of direct

authorial assessment and the open ending of the story allow the reader to independently interpret the relationship between ambivalent concepts such as «crime», «trial», «punishment», «guilt».

Key words: criminal story, crime, character speech characteristics, religious vocabulary, name semantics, symbolism.

Введение

Многогранность творческой личности А. П. Чехова заключается не только в сочетании нескольких профессиональных направленностей, таких как медицина, литература (проза и драматургия), юриспруденция, общественная деятельность, но и в глубине психологического анализа, тонком юморе и реалистичном изображении жизни простых людей. Творчество Чехова представляет собой уникальный синтез литературного таланта, медицинского опыта и глубокого понимания человеческой природы. Многообразие мировоззрения писателя находит отражение в рассказах и повестях 1890-х годов, в основе которых лежит криминальный сюжет или имеются отсылки к нему. Достаточно внушительный список «криминальных» произведений Чехова¹ свидетельствует о том, что рассказ «Убийство», опубликованный им в журнале «Русская мысль» в 1895 году, можно рассматривать как особое произведение, имеющее ряд отличительных характеристик. Писатель отходит от традиционных канонов детективного жанра, сосредотачиваясь и на самом факте убийства, и на внутреннем мире героев, их мотивах и нравственных конфликтах. В рассказе «Убийство» А. П. Чехов демонстрирует не только мастерство построения криминального сюжета, знание правовых аспектов своего времени, но и владение языковыми средствами, которые позволяют ему передать психологическую глубину и социальную обусловленность преступления.

При выявлении языковых особенностей криминального рассказа Чехова «Убийство» использовались общенаучные методы анализа, обобщения и систематизации материала, а также специальные лингвистические методы: описательный с элементами компонентного анализа, контекстный анализ. Материалом исследования послужил текст произведения.

Рассказ Чехова как объект изучения в большей степени привлекает внимание исследователей-литературоведов. Проанализированы мотивы убийства и судебной ошибки [Долотова 1974], рассмотрены «сахалинские мотивы» [Проваторова 2010; Гедзюк 2021] и архетипический мотив хаоса в рассказе [Синякова 2019], мотивы рока и фантастики в прозе писателя на примере исследуемого произведения [Парфенов 2014]. Религиозный контекст рассказа представлен в работах К. А. Лукьяненко [Лукьяненко 2017] (понятие «гиперрелигиозность» и ее последствия), А. И. Жаровой [Жарова 2019] (духовная жизнь героев, убийство как грех), К. Юрачек [Юрачек 2024] (библейские аллюзии, помогающие понять специфику новой веры главного героя). В последней работе дается краткий обзор точек зрения ученых по вопросам приобретения героем новой веры, трансформации его мировоззрения. В работе С. Г. Павлова рассказ «Убийство» анализируется с позиции лингвогерменевтики через апелляцию к идеологеме «Святая Русь» [Павлов 2022]. На примере исследуемого произведения в статье Н. В. Капустина рассмотрены черты авторской поэтики [Капустин 2022].

Обзор научных трудов, посвященных рассказу Чехова, показывает необходимость его изучения в лингвистическом аспекте для выявления специфики языковых средств, способствующих раскрытию религиозно-правовой проблематики произведения. Научная новизна работы заключается в комплексном анализе языковых особенностей рассказа на стыке лингвистики, литературоведения, юриспруденции и религиоведения. В отличие от традиционных подходов, где языковые средства рассматриваются изолированно или в контексте стилистики, данная работа выявляет, как лексические, синтаксические и другие особенности текста (например, использование библейских аллюзий, юридической терминологии, диалогической структуры) формируют у читателя представление о моральных и правовых дилеммах, а также о религиозном контексте преступления и наказания.

Авторские размышления о вере, противоречивые взгляды героев на религию, описание преступления, совершенного верующими людьми, реалистичная картина жизни каторжан на острове Сахалин – все это делает рассказ Чехова особым произведением в его творчестве.

Результаты и обсуждение

Произведение «Убийство» состоит из семи частей, сам автор определял его жанровую специфику как рассказ. В его основе лежит криминальный сюжет, развивающийся постепенно, связанный с размышлениями Чехова о вере в Бога: «Человек не может жить без веры, и вера должна выражаться правильно... Нужно жить, а значит и молиться так, как угодно Богу...» (Чехов URL). Однако если человек утрачивает веру или сомневается в ней, то он теряет почву под ногами, попадает в круговорот событий, которым сложно противостоять.

Начало рассказа вводит читателя в мир Матвея Терехова – двоюродного брата Якова Ивановича Терехова. Основа жизни Матвея – вера в Бога, посещение церкви, соблюдение законов религии. Повествование первой части строится на антитезе: радость и удовольствие от службы в канун Благовещения сменяются унынием и печалью героя об одной мысли о возвращении в родительский дом. Общая атмосфера отчужденности и эмоционального одиночества пронизывает существование главных героев рассказа. Недовольство друг другом, непонимание, душевная глухота постепенно перерастают в ненависть. По словам Матвея, в их семье «никакого спокойствия, день-деньской шум, брань, нечистота...» (Чехов URL). Усилению одиночества способствует описание трактира, половину нижнего этажа которого занимала семья Тереховых, во дворе «было грязно даже летом; здесь в грязи лежали громадные, жирные

¹ «Случай из судебной практики» (1883), «Верб» (1883), «Вор» (1883), «Шведская спичка» (1884), «Драма на охоте» (1884), «Мертвое тело» (1885), «Злоумышленник» (1885), «Следователь» (1887), «В суде» (1887), «Спать хочется» (1888), «Пари» (1888), «Бабы» (1891), «Мужики» (1897), «В овраге» (1900) и др.

свиньи и бродили без привязи лошади» (Чехов URL). Отдаленность от «большого» мира сказалась на характерах хозяев, неласковых и жадных.

Пейзажные зарисовки, на фоне которых происходит действие рассказа, подготавливают читателя к трагическим событиям. Вой метели и ветра, темнота, пустота являются отражением «тоски медленно текущей жизни» (Чехов URL). Чехов мастерски показал зависимость психологического состояния героев от природной стихии: «Погода располагала и к скуке, и к ссорам, и к ненависти...» (Чехов URL). Конструкция нанизывания однородных членов предложения с усилением главного признака – ритмический повтор, создает ощущение безысходности. Взаимное раздражение героев нарастает, предвосхищая трагическую развязку.

Особое значение в лингвистическом аспекте имеет семантика имен главных героев рассказа. Все они взаимосвязаны и выбраны писателем неслучайно. Имя Яков имеет библейские корни. В буквальном переводе с иврита оно означает «следующий по пятам» и связано с библейской историей о рождении сына Исаака и Ревекки. В разных культурах это имя имеет свою интерпретацию. Например, в еврейской традиции ассоциируется со стойкостью и мудростью, что вполне отражает черты характера персонажа произведения Чехова. В христианстве имя Яков связывают с идеями служения и смирения, известно, что одним из учеников Иисуса Христа был Яков (Иаков). Исследователи отмечают, что в имени старшего брата прослеживаются интертекстуальные связи с Ветхим Заветом (история братьев Исава и Иакова) [Юрачек 2024: 68]. Имя главного героя – Матвей – происходит от древнееврейского слова, означающего в переводе «Божий человек», «дарованный Богом». Разногласия между братьями в вопросах веры и миропорядка в целом станут основой главного события рассказа – испытания убийством Матвея, через которое Яков приобретет новую веру и попытается переосмыслить свою прежнюю жизнь.

Семантика имени Аглая восходит к древнегреческим корням и может рассматриваться как символ света и чистоты. В христианской религии имя Аглая не является каноническим, оно отсутствует также в православном календаре. Имя Аглая было широко распространено в России в XIX веке и стало популярным у классиков русской литературы (не только у Чехова, но и Ф. М. Достоевского). При описании образа Аглаи Чехов также использует прием антитезы: «Когда она говорила с Матвеем или в трактире подавала мужикам чай, это была тощая, остроглазая, злая старуха, в моленной же лицо у нее было чистое, умиленное, сама она как-то вся молодела, манерно приседала и даже складывала сердечком губы» (Чехов URL). В одном предложении писатель тонко подмечает двойственность человеческой природы, умение перевоплощаться в зависимости от ситуации. Имя Дарья персидского происхождения, обозначающее «владеющую добром». В старославянской традиции это имя понимается как «дарованная Богом». В рассказе Чехова героиня названа по-детски Дашуткой. Она молода, ей 18 лет, не образована и в интеллектуальном плане не развита.

Обращает на себя внимание еще одна деталь в произведении Чехова: прозвище рода Тереховых – Богомолы. В нем выразилась набожность семьи в восприятии окружающих, следование законам религии. Однако писатель подчеркивает, что Тереховы «были склонны к мечтаньям и к колебаниям в вере, и почти каждое поколение веровало как-нибудь особенно» (Чехов URL). Это уточнение отчасти объясняет поведение и Матвея, и Якова. По мере взросления Матвей начинает сомневаться в праведности священнослужителей («не по уставу живут»), в правильности служения в церквях и истинности народной веры. Свой грех он определит как гордыню, которая явилась причиной обустройства собственной моленной. После грехопадения («впал я в блуд») и тяжелой болезни Матвей приходит к осознанию необходимости быть «обыкновенным человеком», веровать как все. Яков стремится во всем к «известному порядку»: «Человек не может жить без веры, и вера должна выражаться правильно, из года в год, изо дня в день в известном порядке, чтобы каждое утро и каждый вечер человек обращался к Богу именно с теми словами и мыслями, какие приличны данному дню и часу», «по уставу» (Чехов URL). Этому порядку мешает появление в его доме Матвея. Разногласия в вопросах веры и нежелание героев слышать друг друга постепенно разрушают веру Якова, после долгих размышлений он придет к выводу о том, что у окружающих его людей «нет никакой веры и что это их нисколько не беспокоит», вследствие чего «жизнь стала казаться ему странною, безумною и беспросветною, как у собаки...» (Чехов URL).

Другой лингвистической особенностью рассказа Чехова, раскрывающей его религиозно-правовую проблематику, является прием лексического повтора. Фраза Матвея о покаянии, обращенная к брату, в тексте повторяется пять раз, сам герой в беседе с буфетчиком признается в каждодневном «наставлении» Якова («Образумьтесь, братец! Покайтесь, братец!»). Исследователи отмечают повторяющиеся образы метели, снега и ветра, упоминания о бесах, повторы слова «казалось» и его семантики, воспоминания героев о прошлом (что *было*) [Капустин 2022]. Поэтика воспоминаний Матвея и Якова в произведении и отрывки из этих воспоминаний выступают в роли семантических «скреп» сюжета. Для Матвея основу счастливых воспоминаний составили служение Богу в юношестве, аскетический образ жизни, которого он строго придерживался. Для Якова – это жизнь в родительском доме по лично установленным правилам до появления Матвея. В тексте рассказа также несколько раз повторяется упоминание о страшном звере, которым ощущает себя Яков до совершения убийства, и бесах, преследующих его: «ему начинало казаться, что на голове и на плечах у него сидят бесы», «...что-то давило ему голову и плечи, будто сидели на них бесы, и ему казалось, что это ходит не он, а какой-то зверь, громадный, страшный зверь...» (4 часть, Чехов URL).

Как и во многих рассказах, в «Убийстве» автор использует диалоги, которые помогают раскрыть внутренний мир персонажей и мотивы их поступков. Включение диалогов в основной текст произведения делает повествование живым и динамичным. Через речь героев Чехов передает их эмоции и переживания, углубляя понимание психологии каждого из персонажей. Нужно отметить, что специфика диалогов Чехова заключается в эмоциональной

глухоте героев, они говорят о своем, не вникая в речь собеседника. Так, например, рассказ Матвея об устройстве своей молельни, о грехах и болезни не вызывают у слушающих сочувствия. В ответ буфетчик ничего не говорит Матвею, а жандарм рассуждает о богатстве Якова (2 часть). Подчеркнем, что в диалогах фразы второстепенных героев короткие, отрывистые (высказывания Дашутки в первой части, жандарма – во второй части). Речь Матвея, напротив, отличается полнотой, развернутыми описаниями и рассуждениями и представляет собой монологи. Речь Матвея состоит из сложных предложений, включающих однородные и уточняющие члены, вводные слова и конструкции, а также императивы. В монологах Матвея встречаются элементы диалогичности («и должен я вам заметить», «надо нам заметить», обращения к буфетчику – «Сергей Никанорыч», к буфетчику и жандарму – «судари мои»).

Язык персонажей соответствует их социальному статусу и образованию, речь героев наполнена просторечиями и религиозной лексикой. Просторечия в высказываниях чеховских героев служат средством их характеристики, передачи социального статуса, психологии и бытовой среды, в которой тот или иной герой развивается как носитель языка. С одной стороны просторечия в высказываниях героев рассказа демонстрируют их неграмотность, эмоционально-экспрессивное поведение наряду с агрессивными речевыми формами, с другой – отражают живую, динамичную сторону языка, его социальную стратификацию. Кроме того, прием включения просторечий в живую речь героев произведения позволил Чехову передать колорит той эпохи, раскрыть мировосприятие простых людей. Так, например, в высказываниях Матвея можно отметить следующие просторечия: «леригия» (литературный вариант – «религия»), «скромное» (литературный вариант – «скромная пища»), «лутшею» (литературный вариант – «лучшею»), «признательность» (литературный вариант – «признательность»), «книгы» (литературный вариант – «книги»). В речи буфетчика Сергея Никанорыча встречаются такие примеры, как «огромадное» (литературный вариант – «огромное»), «не зевали» (в значении не «бездельничали»). Короткие фразы Дашутки включают слова «свистить» (литературный вариант – «свистит»), «надысь» (литературный вариант – «на днях, недавно»).

Религиозная лексика представлена церковно-славянскими заимствованиями («апостол», «псаломщик», «говеть», «постное масло», «образа», «всенощная», «киот», «аналой», «риза», «кадильница», «псалтирь»), бытовой религиозной лексикой («молиться», «поститься», «богоотступник», «еретик»), устойчивыми выражениями («истинный свет», «люта смерть», «божья воля»), заимствованиями из других языков («ладан»). Однако религиозная лексика в речи Матвея, Аглаи, Якова часто звучит механически, без глубокого понимания смысла, на фоне бытовых конфликтов. Матвей цитирует церковные тексты («прежде смиришь с братом твоим, и тогда пришед принеси дар твой», «глас вопиющего в пустыне»), но его вера сводится к внешним обрядам, а не к нравственному содержанию. Чехов показывает, как религиозные понятия искажаются в сознании простых людей, превращаясь в суеверия или инструмент манипуляции. Интерес представляет эпизод, в котором Яков вспоминает евангельские слова о верблюде. Они соотносятся с известным выражением из Евангелия: «Удобнее верблюду пройти сквозь игольные уши, нежели богатому войти в Царство Божие» (от Матфея (19:24), Марка (10:25), Луки (18:25). По словам К. Юрачек, «библейский текст вписывается в отношения Матвея и Якова, выходя за рамки семейной истории и индивидуальной судьбы и поднимая общие вопросы межличностных отношений и иерархии ценностей» [Юрачек 2024: 71]. Таким образом, религиозная лексика в рассказе Чехова является не столько частью словесного полотна произведения, сколько выполняет функцию катализатора нравственного развития героев, побуждая их к осмыслению совести, вины и морального выбора в критических ситуациях.

В отдельных фразах главных действующих лиц можно отметить элементы речевой агрессии, предшествующей агрессии физической – убийству. Так, Аглая называет «чужой гадюкой» сожительницу Матвея, угрожает ему: «Я б тебя разорвала, лядащий!», посылает проклятия: «...будь она трижды анафема проклята, дьяволица...», Яков в гневе гонит брата из дома: «Вон из моего дома сию минуту!... Уходи, дьявол!» (Чехов URL). Речь Аглаи наполнена грубыми, оскорбительными словами (гадюка, заводская кобыла, дьяволица, лядащий, заводский жеребец (о Матвее)), что противоречит образу верующего человека, для которого неприемлемы конфликты, открытые столкновения и яркое проявление гнева. Высказывания героини содержат прямые угрозы не только в адрес Матвея, но и женщины, с которой у него была связь («чтоб ей светлого дня не дожидаться»). Объединяя в одной фразе угрозу, выраженную в пожелании смерти другому человеку, и религиозную лексику (светлыми днями в христианстве называют дни первой недели после Пасхи – Светлую седмицу), Чехов показывает, как человеком овладевает ненависть, разрушая его нравственные устои и веру в Бога. Согласимся с мнением исследователей о том, что рассказ «Убийство» написан «не о религии как таковой, а о поведении людей, верующих по-разному, об их неспособности согласовать собственные убеждения с уважением к человеку. По Чехову, и вера, и безверие, если они приобретают агрессивный характер, нарушают нравственные законы существования» [Долотова 1974].

В исследуемом произведении Чехова герои используют различные коммуникативные стратегии и тактики. Так, например, буфетчик Сергей Никанорыч в диалоге с Матвеем использует стратегию уговора, направленную на достижение цели при сохранении единства интересов обеих сторон (кооперативная стратегия). По характеру функционирования в момент коммуникации данную стратегию можно обозначить как прямую, непосредственно направленную на адресата. Буфетчиком использованы тактики побуждения (занять деньги), обещания (выплачивать проценты), однако они не имели результата. Обратим внимание на то, что в рассказе Чехова в большинстве случаев героями использованы конфронтационные стратегии и связанные с ними тактики. Это обусловлено разными взглядами на вопросы веры и личной неприязни. В качестве примера можно привести диалог двух братьев, в котором Матвей просит Якова дать ему лошадь для поездки в Веденяпино (4 часть). Эту просьбу Матвей озвучивает во время молитвы брата, не понимая, что мешает ему и только усиливает раздражение. Его коммуникативное намерение в данной ситуации – достижение собственной цели без учета интересов других людей. Конфронтация интересов усиливается при упоминании Матвеем общего имущества и невозможности им распоряжаться. В целях

избежания очередного конфликта Яков применяет тактику умолчания, не дав ответ на вопрос о лошади и имуществе. В свою очередь Матвей ежедневно и неоднократно по отношению к брату применяет тактику обвинения, разоблачая «неправильную» веру брата и наставляя его на путь истинный. Но ключевым, на наш взгляд, становится диалог героев перед совершением убийства (5 часть). Он так же, как и предыдущие диалоги, строится на столкновении взглядов героев. Причиной разногласий явилась просьба Матвея добавить в еду постного масла. Реплика писателя «со злорадной улыбкой, очевидно, довольная, что он такой грешник» свидетельствует о том, что Аглая, выставляя бутылку с маслом на стол, провоцирует брата. Конфликт разгорается с большей силой: Яков в гневе кричит на брата, тот делает вид, что не слышит. Основу диалога составляют восклицательные односоставные предложения с использованием императивов и обращений, включена также религиозная лексика, оскорбления в религиозном контексте (дьявол, богоотступник, еретик). По мнению одного из исследователей творчества Чехова, в своем рассказе «писатель пытается ответить на вопрос: когда, в какой момент в человеке, решившимся на убийство, наступает духовный надлом и обесценивается чужая жизнь. И не важно, верующий человек или безбожник – он в любом случае нарушает не только светский, но и нравственный закон» [Яшин 2017: 170].

Значение в контексте всего произведения получает его заглавие – «Убийство». Почему произведение названо именно «Убийство»? Не «Несчастный случай», «Смерть» или «Семейная драма»? Выбор данного слова писателем не так прост, как кажется на первый взгляд. Значение слова «убийство» напрямую связано с понятиями «мотив» и «наказание» в правовом аспекте. Ни одно из криминальных произведений Чехова в отличие от рассматриваемого в заголовке не имеет прямого указания на самое страшное преступление, которое может совершить человек, – лишение жизни другого человека. Этимологически существительное «убийство» восходит к древнерусскому глаголу «убити», оно образовано добавлением суффикса -ств-, придающего слову значение процесса или состояния. Изначально слово использовалось преимущественно в юридических документах и церковнославянских текстах, постепенно закрепившись в разговорной речи и литературе. В словаре В. И. Даля существительное «убийство» находится в гнезде многозначного глагола «убивать», который произошел от праславянского «бити»; означает «убиение человека, смертоубийство, умерщвление, лишение кого жизни, как преступление» (Даль 1991, Т. 4: 457).

С правовой точки зрения конфликт возникает на почве семейной ссоры, спровоцированной религиозными разногласиями. В ходе потасовки между братьями, когда старший из них, Яков, пытается вытащить из-за стола Матвея, сестра Якова наносит удар Матвеем по голове бутылкой с постным маслом. Делает она это потому, что «Аглае показалось, что это он хочет бить Якова» (Чехов URL). Для читателя остается неясным: был ли жив в данный момент Матвей или он потерял сознание от удара. Свидетели (Дашутка и Сергей Никанорыч) и участники сцены (Яков и Аглая) не предпринимают попыток спасти Матвея, оказать первую помощь. Напротив, Яков указывает Аглае на утюг: «Яков, тяжело дыша... несколько раз (это он помнил очень хорошо) указал Аглае пальцем на утюг, и только когда полилась по его рукам кровь... понял, что произошло» (Чехов URL).

В исследуемом произведении Чехов впервые изобразил преступление, совершенное группой лиц. Согласно ч. 1 ст. 35 действующего УК РФ, преступление признается совершенным группой лиц, если два или более лица, действуя совместно с умыслом, направленным на совершение убийства, непосредственно участвовали в процессе лишения жизни потерпевшего. Следуя сюжетной линии рассказа, изначально герои не имели умысла причинить вред другому лицу, предварительно не договаривались друг с другом. Однако в ходе семейного конфликта этот умысел появляется, совершается особо тяжкое преступление. Описанный Чеховым эпизод убийства в рамках современного законодательства может быть рассмотрен по ст. 105 ч. 2 (ж).

В сцене убийства писатель использует символические образы и элементы. Убийство совершается в Страстной (Великий) понедельник, который считается первым днем Страстной седмицы. В этот день церковный устав предписывает совершение богослужений в честь памяти земной жизни Иисуса Христа и событий, предшествовавших его страданиям. Кроме того, в Страстной понедельник показано сухоядение – употребление невареной пищи, без растительного масла. Именно поэтому бутылка с постным маслом, которой Аглая совершает первый удар по голове Матвея, является символом церковного обряда и может быть рассмотрена в философско-религиозном аспекте как символ сочетания священного и греховного. Символичен и белый платок Аглаи, «забрызганный кровью» Матвея. В христианстве белый цвет ассоциируется с чистотой, непорочностью и святостью, сопровождает начало пасхального богослужения, символизирует свет Воскресения. Кровь может символизировать ветхозаветные жертвы, которые приносили в честь Пасхи (к примеру, пасхального агнца). Образ Матвея в этом ключе можно ассоциировать с идеей жертвенности, искупления и мессианской надежды: через соучастие в убийстве двоюродного брата Яков приобретает настоящую веру, смысл которой он раскроет, находясь на каторге в заключении. Линия жизни Матвея, описываемая Чеховым особыми языковыми средствами, при более детальном анализе соотносится с жизнью святого-мученика. Основные эпизоды из жизни Матвея – безоблачное детство и юность, отказ от земных благ и строгие посты, устройство собственной молельни, грехопадение, тяжелая болезнь и страдания, возвращение в родительский дом, попытки облагородить брата – подтверждают это предположение.

Итак, в простом и лаконичном заглавии произведения Чехова отражена идея нарушения одной из заповедей Христа. Писатель впервые изобразил преступление, спровоцированное религиозными разногласиями и открытым конфликтом между родными людьми. Убийство, совершенное во время Пасхи – периода воскресения и духовного обновления, – становится гротеском, сочетанием резких контрастов святого и демонического. Конфликт Матвея и Якова ассоциативно отсылает читателя к сюжету из Книги Бытия (Быт. 4: 1-16) о Каине и Авеле. История первого убийства в истории человечества станет архетипом для многих литературных, философских произведений, в том числе и для рассказа Чехова. Кроме того, заглавие произведения может быть рассмотрено как юридический термин,

который предусматривает умышленную форму вины, причинение смерти человеку (не иному субъекту), причинно-следственную связь и противоправность деяния. Следовательно, вынося в заглавие слово «убийство», Чехов тем самым акцентирует внимание на правовом аспекте: это преступление всегда связано с насильственным лишением жизни человека и предусматривает ответственность в виде наказания.

Рассказ Чехова подробно описывает не только события, предшествующие убийству, и само преступление, но и арест, нахождение героев в остроге 11 месяцев и, самое главное, вид наказания для каждого из четырех участников преступления. По решению суда «все четверо были признаны виновными в убийстве с корыстной целью. Яков Иванович был приговорен к каторжным работам на двадцать лет, Аглая – на тринадцать с половиной, Сергей Никанорыч – на десять, Дашутка – на шесть» (Чехов URL). В заключительной части произведения на примере Воеводской тюрьмы на Сахалине, «самой неприглядной и суровой из всех сахалинских тюрем» писатель показал изнутри уголовно-исправительную систему того времени. Не вызывает сомнений тот факт, что основу рассказа составили впечатления Чехова от поездки на остров Сахалин. Материал, собранный им в одноименной книге, помог писателю открыть новые грани тем преступления и наказания, усложнить проблематику криминального сюжета и утвердить его взгляды на отечественную правовую систему как писателя-гуманиста. Именно в заключительной части рассказа писатель предпринимает попытку ответить на вопрос о том, что происходит с осужденным после вынесения приговора во время его нахождения на каторге.

Пребывание на каторге заставляет Якова переосмыслить свою прежнюю жизнь и веру, на которой строился его миропорядок. Однако его тревожат мысли не о содеянном (смерть брата), а тоска по родине и размышления о цене «новой» веры: Якову «...было непонятно только одно, почему жребий людей так различен, почему эта простая вера, которую другие получают от Бога даром вместе с жизнью, досталась ему так дорого», ему «...хотелось жить, вернуться домой, рассказать там про свою новую веру и спасти от гибели хотя бы одного человека и прожить без страданий хотя бы один день» (Чехов URL). Путь к истине через страдания приводит Якова к состраданию, то есть готовности испытывать и преодолевать трудности вместе с другим человеком, взять на себя часть его непосильной ноши. В толковом словаре Даля существительное «страдание» находится в гнезде глагола «страдать» – «биться, бороться, бедовать, мучиться, маяться; терпеть боль; скорбеть, тосковать, болеть душою, нравственно; терпеть убытки, теряться, лишаться чего; приходить в упадок, быть под гнетом» (Даль 1991, Т. 4: 334) и связано с глаголами «трудиться», «работать». По Далю «сострадать» означает «переносить муки сообща», а слово «страдание» имеет синонимы «сострашие, сочувствие, симпатия» (Даль 1991, Т. 4: 280).

Таким образом, заключительная часть произведения Чехова раскрывает сложную внутреннюю эволюцию одного из героев – Якова Терехова – и поднимает вопросы нравственного обновления, веры и моральной ответственности за свои поступки.

Заключение

В ходе комплексного анализа рассказа Чехова приходим к следующим выводам. В умении изображать ключевые моменты в жизни героев, используя определенные языковые средства, заключается уникальность мастерства Чехова. Антитеза, семантика имен собственных, лексические повторы, прием ретроспекции, речевые характеристики персонажей, включающие просторечную и религиозную лексику, элементы речевой агрессии, различные коммуникативные стратегии и тактики, символика заглавия и отдельных образов – все эти языковые особенности направлены на раскрытие религиозно-правовой проблематики произведения. Отсутствие прямой авторской оценки позволяет читателю самостоятельно интерпретировать заключительную часть рассказа. Открытый финал заставляет задуматься о природе вины, о грани, разделяющей нравственное и относящееся к религии, от преступного, противоречащего природе человека.

Произведение Чехова показывает трагический конфликт между фанатичной верой и человеческой природой. Вина Якова носит не столько юридический характер, сколько экзистенциальный. Он обречен на вечное внутреннее мучение, которое гораздо страшнее любой каторжной работы. Несмотря на это, герой мечтает вернуться на родину, где процветает, по его мнению, «...темнота, дикость, бессердечие и тупое, суровое, скотское равнодушие людей, которых он там покинул» (Чехов URL). Героем движет желание с помощью новой веры, приобретенной им на каторге, сделать мир лучше. Однако общество способно лишь зафиксировать факт преступления и вынести приговор, оно бессильно понять или измерить глубину той духовной катастрофы, которая произошла с человеком. Финал рассказа перекликается с библейскими мотивами покаяния и искупления, но Чехов оставляет открытым вопрос: является ли это истинным духовным прозрением или лишь следствием обстоятельств.

Список источников

Даль В. Толковый словарь живого великорусского языка. М., 1991. Т. 4.

Чехов А. П. Убийство. URL: <https://azbyka.ru/fiction/ubijstvo/>

Литература

Гедзюк Е. А. «Сахалинский» текст в рассказе А. П. Чехова «Убийство»: особенности сюжетики и характерологии / История и современность филологических наук: сборник научных статей по материалам Международной научной конференции XVI Виноградовские чтения. В 2 томах. Т. 2. М., 2021. С. 74-80.

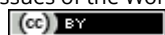
- Долотова Л. М. Мотив и произведение («Рассказ старшего садовника», «Убийство») / В творческой лаборатории Чехова. 1974. URL: <https://a-chehov.ru/publikacii/v-tvorcheskoj-laboratorii-chehova>
- Жарова А. И. В ракурсе духовного измерения: о рассказе А. П. Чехова «Убийство» / Теология в научно-образовательном пространстве: религия, культура, просвещение: сборник статей региональной конференции (Екатеринбург, 24-25 октября 2019 года). Екатеринбург, 2019. С. 121-125.
- Капустин Н. В. «Убийство» как чеховский рассказ / Два века русской классики. – 2022. – Т. 4. – № 2. – С. 150-165. DOI: 10.22455/2686-7494-2022-4-2-150-165
- Лукьяненко К. А. Рискогенный потенциал гиперрелигиозности (на примере повести А. П. Чехова «Убийство») / Известия Саратовского университета. Новая серия. Сер. Философия. Психология. Педагогика. – 2017. – Т. 17. – вып. 1. – С. 32-39. DOI: 10.18500/1819-7671-2017-17-1-32-39
- Павлов С. Г. Свет Святой Руси в рассказе А. П. Чехова «Убийство»: опыт лингвистической герменевтики / Успехи гуманитарных наук. – 2022. – № 11. – С. 95-102.
- Парфенов А. И. Фантастика и рок в прозе А. П. Чехова (на материале повести «Три года» и рассказа «Убийство») / Вестник Литературного института имени А. М. Горького. – 2014. – № 4. – С. 86-93.
- Проваторова О. Н. «Сахалинские» мотивы в рассказе А. П. Чехова «Убийство» / Вестник ОГУ. – 2010. – № 17 (ноябрь). – С. 21-26.
- Синякова Л. Н. Архетипический мотив хаоса в сюжетной структуре повести А. П. Чехова «Убийство» / Вестник Новосибирского государственного университета. Серия: История, филология. – 2019. – Т. 18. – № 9. – С. 169-175. DOI: 10.25205/1818-7919-2019-18-9-169-175
- Юрачек К. Библийские параллели в чеховском рассказе «Убийство» / Slavica, 53. – 2024. – С. 63-74. DOI: 10.31034/053.2024.06
- Яшин А. Н. Тема преступления, наказания и правосудия в воззрении и творчестве А. П. Чехова / Тенденции и перспективы решения проблем государства и права: сборник статей Международной научно-практической конференции (16 сентября 2017 г., г. Омск). Уфа, 2017. С. 168-171.

References

- Dolotova, L. M. (1974). Motive and work ("The Story of the Chief Gardener", "The Murder"). In Chekhov's creative laboratory. Available from: <https://a-chehov.ru/publikacii/v-tvorcheskoj-laboratorii-chehova> (in Russian).
- Gedzyuk, E. A. (2021). The "Sakhalin" Text in Anton Chekhov's Story "The Murder": Features of Plot and Characterology. History and Modernity of Philological Sciences: Collection of Scientific Articles Based on the Materials of the XVI Vinogradov Readings International Scientific Conference. In 2 volumes, vol. 2, Moscow, 74-80 (in Russian).
- Kapustin, N. V. (2022). "Murder" as a Chekhov Story. Two centuries of Russian classics, 4, 2, 150-165. DOI: 10.22455/2686-7494-2022-4-2-150-165 (in Russian).
- Lukyanenko, K. A. (2017). The Riskogenic Potential of Hyperreligion (Based on Chekhov's Short Story "The Murder"). Izvestiya of Saratov University. Philosophy. Psychology. Pedagogy, 17, 1, 32-39. DOI: 10.18500/1819-7671-2017-17-1-32-39 (in Russian).
- Parfenov, A. I. (2014). Science Fiction and Rock in the Prose of Anton Chekhov (Based on the Novella "Three Years" and the Short Story "Murder"). Vestnik of Gorky literary institute, 4, 86-93 (in Russian).
- Pavlov, S. G. (2022). The Light of Holy Russia in Anton Chekhov's Short Story "The Murder": An Attempt at Linguistic Hermeneutics. Modern Humanities Success, 11, 95-102 (in Russian).
- Provatorova, O. N. (2010). "Sakhalin" Motifs in Anton Chekhov's Short Story "The Murder". Vestnik Orenburg State University, 17 (November), 21-26 (in Russian).
- Sinyakova, L. N. (2019). The archetypal motif of chaos in the plot structure of Chekhov's short story "The Murder". Vestnik Novosibirskogo Gosudarstvennogo Universiteta, Seriya: Istoriya, Filologiya, 18, 9, 169-175. DOI: 10.25205/1818-7919-2019-18-9-169-175
- Yashin, A. N. (2017). The theme of crime, punishment, and justice in the views and works of Anton Chekhov. Trends and Prospects for Solving State and Legal Issues: Collection of Articles from the International Scientific and Practical Conference (September 16, 2017, Omsk). Ufa, 168-171 (in Russian).
- Yurachek, K. (2024). Biblical Parallels in Chekhov's Short Story "The Murder". Slavica, 53, 63-74. DOI: 10.31034/053.2024.06 (in Hungary).
- Zharova, A. I. (2019). From the perspective of the spiritual dimension: A. P. Chekhov's short story "The Murder". Theology in the Scientific and Educational Space: Religion, Culture, and Education: Collection of Articles from the Regional Conference (Yekaterinburg, October 24-25, 2019). Ekaterinburg, 121-125 (in Russian)

Citation:

- Кузнецова И. С. Языковые особенности рассказа А. П. Чехова «Убийство» как средство раскрытия религиозно-правовой проблематики произведения // Юрислингвистика. – 2026 – 41. – С. 65-71.
- Kuznetsova I. S. (2026) Linguistic Features of Anton Chekhov's Short Story «The Murder» as a Means of Revealing the Religious and Legal Issues of the Work. Legal Linguistics, 41, 65-71.

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0. License